

В южном Наньчэне макушка лета всегда тянулась изнурительно долго, иссушая город до капли.

Летнее солнце кололо кожу точно раскалёнными иглами — стоило выйти на улицу, как голову охватывала сухая, зудящая дрожь. Воздух неподвижно застыл, а пот лип к телу, превращаясь в густую, закипающую плёнку.

Что уж говорить о совсем маленьких городках вроде уезда И. Кондиционеры здесь водились разве что в государственных учреждениях, да и обычный вентилятор был в доме редкостью. Старики в полинявших майках усаживались в тени раскидистых деревьев, неторопливо махали бамбуковыми веерами и переговаривались с соседями. Даже дворовые псы, обычно встречавшие любого прохожего заливистым лаем, забились в тень и едва дышали, высунув языки, — на лай силы у них просто не оставалось.

В такую жару плевать на зной было разве что местным мальчишкам.

Заводилой у них выступал Цзян Синь, а Вэнь Цзинь, привыкший уступать, невольно тащился следом. Орава ребят всех возрастов шумной гурьбой отправлялась к воде — ловить рыбу.

Впрочем, под строгим взглядом проходящих мимо взрослых и помня наставления учителей, забираться на глубину никто не рисковал. Дети барахтались в мелкой речушке, где вода едва доходила до голени.

— А-Цзинь! — пятнадцатилетний Цзян Синь, наряженный в широкую майку в стиле хип-хоп (как он сам уверял, по последней моде), взгромоздился на высокий валун и отчаянно замахал руками опоздавшему другу.

Вэнь Цзинь поджал губы. Ему было нестерпимо жарко; бледное личико покраснело, а длинные, густые ресницы, точно крылья бабочки, трепетали на солнце. На маленькой голове топорщился вихрь непослушных, давно не стриженных волос, придавая ему немного нелепый вид.

Матери Вэнь Цзиня до сына дела не было. Родители развелись рано, дедушка с бабушкой умерли ещё раньше. Бытовой неустроенностью мальчика никто не заморачивался, оттого он и выглядел вечно как попало.

Впрочем, Вэнь Цзинь от природы был пригож и опрятен. В какой бы старой или заношенной одежде он ни ходил, она всегда оставалась чистой. Светлая, будто фарфоровая кожа, правильные черты лица — девчонкам он нравился. Цзян Синь даже как-то пошутил, обозвав Вэнь Цзиня «первым красавцем их деревни».

— А-Синь, мне ещё домашку делать, — сокрушённо пробормотал Вэнь Цзинь. — Не успею — учительница снова маме пожалуется.

А если узнает мать, скандала не избежать.

Родители Вэнь Цзиня разошлись много лет назад. Мать повторно вышла замуж — за усатого и грубоватого дядюшку-таксиста, похожего на уличного бандита. Доходы в маленьком уезде оставляли желать лучшего, а в семье рос ещё один ребёнок — семилетний отчимский сын.

Сейчас Вэнь Цзинь перешёл в третий класс средней школы, не за горами старшие классы. Отчим его откровенно недолюбливал, родной отец знать не хотел, а мать изводилась мыслью, где наскрести денег на его дальнейшую учёбу.

У Цзян Синя всё сложилось иначе: родители работали в солидной компании, сам он жил с любящими бабушкой и дедушкой, да ещё и с младшей сестрёнкой. Настоящая счастливая семья. Пока дети не влипали в неприятности, любые их капризы исполнялись по первому требованию.

— Да брось ты! — хохотнул Цзян Синь. — Я сам потом с твоей матерью поговорю!

Вэнь Цзинь лишь вяло вздохнул.

Заметив его скисший вид, Цзян Синь почесал затылок, задумался на секунду, а потом просиял:

— А-Цзинь, поехали завтра в уездный центр!

Вэнь Цзинь опешил:

— Ты сдурел? Меня мама ни за что непустит.

— Ерунда! Отец сказал, что повезёт нас с А-Янь в город развлечься. Я вечером попрошу его взять тебя с собой, он точно не откажет! — с ухмылкой протянул Цзян Синь. — Да не забывай ты голову! Наконец-то вышли на каникулы, а ты ходишь мрачнее тучи. Сегодня соберешь вещи, завтра поедем в город, а послезавтра вместе отправимся на уроки!

— Но мама...

— Забей! Я попрошу отца, он сам ей звякнет! Мои предки от тебя в восторге, они точно договорятся! — уверенно заявив это, Цзян Синь хлопнул друга по плечу.

Вэнь Цзинь ухмыльнулся, и тоска мгновенно рассеялась. Юношеские печали накатывают внезапно, но так же быстро улечиваются.

Вместе с остальными ребятами они со смехом бросились в воду, забыв обо всех заботах на

свете.

Гуляли до самого вечера. К тому моменту, как Вэнь Цзинь вернулся, мать с младшим братом уже были дома. Отчим уехал в ночную смену и должен был вернуться поздно.

Отношения со сводным братом у Вэнь Цзиня не складывались. Стоило взрослым отвернуться, как мальчишка корчил ему рожи, дразнился и плевался. Мать с отчимом, даже замечая это, лишь закрывали глаза.

Вэнь Цзинь понимал: он здесь на птичьих правах, и нарываться на конфликт нельзя. Иначе мать в порыве гнева просто выставит его за дверь.

— Мама, — тихо позвал Вэнь Цзинь, опустив голову.

Он молча наложил себе остывшего риса и сел за край стола.

Мать с братом давно поужинали, теперь она проверяла уроки младшего.

— Приплёлся наконец! Где тебя черти носили?! — набросилась на него мать. — Заставить тебя за учебники сесть — хрен дождёшься! С такими оценками какие тебе старшие классы? Ты даже младшему брату с уроками помочь не способен! Лентяй проклятый!

Выплеснув злость, она потеряла к нему всякий интерес и снова принялась сорванным голосом орать на младшего.

Вэнь Цзинь сглотал обиду, быстро доел остывшую еду, убрал со стола, вымыл посуду и прошмыгнул в свою каморку.

Комната у него была крошечная — не больше больничного туалета. Раньше здесь ютилась кладовка, так что угол до сих пор занимали всякие старые вещи. К счастью, у самого Вэнь Цзиня барахла почти не водилось, и со своими метр шестидесяти восемью он кое-как уместился на узкой койке.

Окон в кладовке не было: ни кусочка ночного неба, ни единой звёздочки. Из освещения — лишь тусклая настольная лампа.

Здесь круглосуточно царил полумрак, а круглый год — промозглый холод. Совсем как в его собственной жизни: сколько ни бийся, а пробиться к свету, кажется, не суждено.

Вэнь Цзинь глубоко вздохнул. Ему безумно хотелось поскорее окончить школу, уехать подальше, устроиться на работу... Встретить добрых людей. И обзавестись собственным уголком — светлым, просторным и по-настоящему родным.

Свернувшись калачиком, мальчик плотнее укутался в тонкое одеяло, спасаясь от внутренней стужи посреди душного летнего зноя.

На следующий день Вэнь Цзинь вместе с Цзян Синем, Цзян Янь и их отцом всё же отправился в уездный центр.

Вырвавшись из душной атмосферы родного дома, он почувствовал, как с души спал тяжёлый груз.

Цзян Синь обнял его за плечи и задорно усмехнулся:

— Я же говорил, всё пучком! Сейчас походим по городу, поглазеем. Пап, отстегни нам побольше карманных! А-Цзинь ведь с нами!

Отец Цзян Синя посмеивался, не отрываясь от дороги:

— Что-то мне кажется, дело не в Сяо Цзине, а в том, что кое-кто сам хочет разжиться деньжатами?

— Ну какая разница! — буркнул Цзян Синь.

— Ладно-ладно, держи. Только матери не проговорись, а то опять начнёт пилить, что я вас балую.

— Понял, не дурак! Мама всё равно А-Цзиня любит, ругаться не станет!

— Брат Вэнь Цзинь! А давай пойдём кататься на картинге! — высунулась с переднего сиденья Цзян Янь, восторженно уставившись на него огромными глазами.

Не успел Вэнь Цзинь открыть рот, как Цзян Синь бесцеремонно осадил сестру:

— Цыц! Какой ещё картинг? Откуда в нашем захудалом городке картинг? Не забивай А-Цзиню голову!

— Сам цыц! — вспыхнула девочка. — Есть там всё! Мы с одноклассницами в прошлый раз

ходили!

— Пф-ф, девчонка, а всё туда же — в пацанские забавы лезешь, — фыркнул Цзян Синь.

— А тебе-то что! Я не тебя зову, а брата А-Цзиня!

Вэнь Цзинь смущённо почесал затылок и тихо промямлил:

— Вообще-то... мне больше нравится просто сидеть дома и смотреть телевизор...

Дети не обратили внимания на его слова, но отец Цзян Синя всё понял. Поймав взгляд мальчика в зеркале заднего вида, он тепло улыбнулся:

— Сяо Цзинь, не стесняйся. Развлекайся от души. Считай, что помогаешь нам присмотреть за А-Янь. Она ведь никого не слушает, кроме тебя. Так что не бери в голову.

Поняв, что его скромность раскусили, Вэнь Цзинь покраснел и благодарно шепнул:

— Спасибо, дядя.

— Эй! Никого я не слушаю?! — надулась Цзян Янь и, скрестив руки на груди, обиженно откинулась на спинку кресла.

Цзян Синь, кажется, тоже уловил подтекст в словах отца. Забыв про перепалку с сестрой, он подвинулся ближе и шепнул другу на ухо:

— А-Цзинь, да не парься ты. Мои предки от тебя без ума.

Вэнь Цзинь кивнул:

— Спасибо тебе, А-Синь.

— Тю! Мы ж братья, к чему эти нежности! — Цзян Синь опять сгрёб его в охапку.

Вэнь Цзинь искренне улыбнулся.

Атмосфера в машине разрядилась, и всю оставшуюся дорогу дети весело болтали и дурачились.

В уездный центр они прибыли около трёх часов дня.

Летом темнеет поздно, так что солнце всё ещё стояло высоко, заливая улицы палящим светом.

Отец Цзян Синя посадил их у торгового центра, раздал деньги, дал пару напутствий и уехал по делам. Детям уже исполнилось по четырнадцать-пятнадцать лет, дорогу домой они знали прекрасно, так что взрослый решил дать им полную свободу.

Вэнь Цзинь редко бывал в таких местах — обычно его вытаскивали сюда Цзян Синь с сестрой. Но каждый такой выезд приносил ему невероятную радость: казалось, даже сам воздух в торговом центре пропитан свободой. Он вприпрыжку семенил за друзьями, с любопытством зевая по сторонам.

На верхнем этаже расположился игровой центр. Цзян Янь, с её девичьими увлечениями, сразу рванула к автоматам с плюшевыми игрушками. Цзян Синь скривился от такой «девчоночьей тоски» и потащил Вэнь Цзиня к гоночным симуляторам.

— А-Цзинь, хочешь попробовать? — Цзян Синь кивнул на детские картинги.

Вэнь Цзинь никогда на таком не катался и толком не умел, поэтому качнул головой:

— Идите без меня, я тут подожду.

Цзян Янь попыталась затащить его с собой, но брат ловко цапнул её за воротник и уволок прочь.

Вэнь Цзинь улыбнулся им вслед и присел на скамейку неподалёку. Наблюдая за азартной игрой друзей, он подумал, что неплохо бы купить им чего-нибудь освежающего.

Он пошарил в кармане: перед выездом мать дала ему пятьдесят юаней, да с прошлого месяца оставалось ещё около двадцати. В общей сложности набиралось чуть больше семидесяти.

Вэнь Цзинь не стал ничего говорить Цзян Синю — тот ни за что не позволил бы ему тратить свои деньги. Дождавшись, пока друзья увлекутся игрой, он тихонько ускользнул.

Правда, в самом центре он ориентировался из рук вон плохо. Спустившись на второй этаж, он наконец набрёл на торговый автомат. Мелочи у него не оказалось, пришлось менять купюры на кассе. Вэнь Цзинь взял банку колы для Цзян Синя и апельсиновый сок для Цзян Янь.

Жестянки покрылись капельками конденсата, приятная прохлада обжигала ладони — в такой зной этот холод казался высшим блаженством.

Обратную дорогу Вэнь Цзинь, будучи катастрофическим топографическим кретином, найти не смог. Проплутав полчаса, он кое-как выбрался к эскалатору. На повороте располагался магазин бытовой техники. Дома у Вэнь Цзиня стоял лишь крошечный пузатый телевизор старой модели, да и пробиться к нему сквозь отчима с братом было задачей невыполнимой.

А здесь на огромных плазменных экранах крутили какое-то развлекательное шоу. Вэнь Цзинь решил, что спешить ему некуда, застыл у витрины и от нечего делать уставился на экран.

Затаив дыхание, он безмятежно наслаждался прохладой кондиционеров и даровым зрелищем.

Сначала шли нарезки из телепередач и реклама, но внезапно картинка сменилась — началось интервью со звездой.

На экране появился юноша. Удивительно светлый, утончённый и статный. Черты его лица казались безупречно точёными, а чистая, фарфоровая кожа словно светилась изнутри.

Мягкие каштановые пряди нежно ниспадали на лоб. Брови — точно изгиб далёких гор, ресницы трепетали на свету, подобно крыльям бабочки. А глаза... светло-карие, глубокие и ясные, точно прозрачный хрусталь или чистейшая родниковая вода.

Взгляд с лёгкой поволокой, едва заметная полуулыбка на губах — в его облике сквозили благородство и небрежная элегантность. Он походил на бамбук у тихой воды: спокойный, чистый и изящный.

Статный, утончённый, точно юное дерево под порывом весеннего ветра. Настоящий самоцвет.

В ту пору словарный запас пятнадцатилетнего Вэнь Цзиня был слишком беден. Он просто застыл как вкопанный, не в силах подобрать слов, чтобы описать этого юношу в обычной белой футболке.

Но среди звёзд и луны тот казался самым ярким и чистым светом.

— Сичжоу, а что вы думаете о своих фанатах? Например, о сасэнах или чересчур ярых поклонниках? — с безупречной улыбкой спросила ведущая.

Юноша держался совершенно свободно. Легко улыбнувшись, он ответил:

— Я не вправе их судить. Но мне кажется, настоящая симпатия и любовь всегда строятся на взаимном уважении.

Ведущая понимающе кивнула, восхищённая его ответом:

— О, тогда вашей будущей девушке безумно повезёт!

Сюй Сичжоу, кажется, немного смутился. Опустив длинные ресницы, он мягко произнёс:

— У меня очень дружная и открытая семья. Родители подарили мне прекрасное воспитание и окружили заботой. Когда я встречу человека, которого полюблю, я подарю ему самое глубокое уважение и всю свою любовь.

У пятнадцатилетнего Вэнь Цзиня сладко замирало сердце. Эти случайно услышанные слова незримо коснулись крошечного зёрнышка, затаившегося в самой глубине его души.

Ведущая задала следующий вопрос:

— А почему вы решили стать айдолом?

Юноша открыто улыбнулся:

— На самом деле я не стремился стать именно айдолом. Мне просто нравится искусство во всех его проявлениях, и я хочу делиться своим творчеством с другими. И, конечно... мне хотелось бы стать на большой сцене чьей-то луной и маяком. Чтобы освещать людям путь и дарить им надежду на лучшее.

Его улыбка была настолько сияющей и чистой, что пятнадцатилетний Вэнь Цзинь не смог сделать и шага.

Луна.

Маяк.

Надежда.

Эти три слова на долгие годы станут для Вэнь Цзиня главной опорой. Они подарят согревающее тепло отчаявшемуся подростку, спасая его от беспросветной тьмы.

Тогда семнадцатилетний Сюй Сичжоу даже не догадывался, что одна случайно брошенная им фраза поможет задыхающемуся на самом дне мальчишке выжить. Выжить, чтобы вопреки всему устремиться к свету, преодолеть годы и ворваться в его ослепительный мир — мир по имени Сюй Сичжоу.

<http://bllate.org/book/20019/1990535>